

29 СЕН 1973

Куйбышев

Получилось так, что широкую популярность Юрию Никулину принесло кино. Чтобы завоевать ее, ему надо было однажды сесть в метро и проехать несколько остановок до студии «Мосфильм».

А, между тем, родной дом Юрия Никулина — цирк, самая любимая работа — клоун. Но чтобы «доказать» всем, что он хороший клоун, ему надо объехать почти всю страну: таковы парадоксы века техники. Сегодня Юрий Владимирович вместе со своим постоянным партнером Михаилом Шуйдиным добрался наконец до Куйбышева и стал гостем нашего «клуба».

— Между прочим, — располагаясь для беседы, заметил Юрий Владимирович, — мы приезжали в Куйбышев ровно двадцать лет назад, и это был первый город, где нас «обругали». Да, в рецензии на программу местная газета раскритиковала нашу сценку «Маленький Пьер». Это было что-то вроде политического скетча: мальчишка Пьер расклеивает листовки с призывом к миру, за ним гонятся полицейские, он водит их вокруг пальца и так далее... Ну, я это не в счет «старых обид», а скорее к вопросу о том, что можно и чего нельзя в цирке. Тогда полагали, что «об этом» в цирке нельзя.

— А сейчас!

— Цирк — искусство и, как всякому искусству, ему подвластно все. Разумеется, каждая муза говорит на своем языке, кто теперь об этом будет спорить. Но от общих истин не легче. И сегодня не все понимают, как необычен наш язык. Недавно подходит ко мне директор одного цирка и говорит: «Эх, Никулин, завидую я тебе. Вышел на манеж, повалил дурака, публика насмеялась — иди получай деньги». Я ему говорю: «Вы бы пошли повалили, а я тут за директора немного посижу». Он даже обиделся: тоже сравнил — директор и клоун.

В общем, многое мы поняли, многое стараемся понять, но когда думаешь всерьез о проблемах клоунады, становится не до смеха. Может быть, не надо их сейчас обсуждать...

— Но все-таки: откуда берутся клоуны?

— Говорят, что одно небезызвестное радио не смогло ответить на два вопроса: откуда приходят клопы и куда уходят деньги. Боюсь, что ваш вопрос из той же серии. Не знаю, никто не знает. Хотя это очень серьезный вопрос.

— Ну хорошо, давайте конкретно: вот вы, Юрий Никулин и Михаил Шуйдин...

— Наш случай только запутает дело. Лично я очень хотел попасть в театр или кино, ходил, просился — не взяли. «С горя» поступил в цирковое училище и, как видите, прижился.

Михаил Шуйдин попал в цирковое училище перед войной, но совсем не собирался быть клоуном. Во время войны он командовал танковой ротой, горел в двенадцати танках. Тринадцатый едва не стал роковым. Машина сгорела, Шуйдину тоже здорово досталось, его спасла лужа, в которую он, уже без сознания, вывалился из танка. Год с лишним лежал в госпиталях, когда демобилизовали, снова пришел в цирк. Но обгоревшие руки уже не могли выдерживать нагрузки на турнике. В то время суще-

«Я — КЛУБ ИНТЕРЕСНЫХ ВСТРЕЧ КЛОУН»

ствовали так называемые колхозные цирки — по сути дела цирковые бригады, кочевавшие в глубинке. Вот в такой цирк Шуйдин «нанялся» клоуном.

А встретились мы с ним тоже случайно, у Карандаша. Я заканчивал тогда училище, у меня был уже свой постоянный партнер. И вдруг Карандаш начал набирать что-то вроде маленькой студии. После просмотров он взял несколько человек, в том числе меня с партнером и Шуйдина. Через несколько месяцев он попросил меня с Шуйдиным остаться, остальным отказал. Вот так появилась наша пара. Правда, в первой своей программе (а было это 1 мая 1949 года в Саратове) мы выступали вдвоем: Карандаш, Шуйдин и я, но уже через год мы работали самостоятельно.

— Пишут (и это верно), что Никулин и Шуйдин — одна индивидуальность, Карандаш — другая, Олег Попов — третья. Когда речь идет о писателе или актере, это, в общем, ясно. Но как понимать индивидуальность клоуна? Что это — другой парик, непохожая мимика или нечто более глубокое — иной взгляд на мир, свой «тембр смеха»?

— Это слишком серьезный вопрос, чтобы ответить вот так, в двух словах. Юмор — вещь сложная, динамичная, живо и причудливо меняется он вместе с нашими взглядами, образом жизни, привычками... Очень трудно выходить каждый вечер в манеж и смешить человека, который шутит сегодня совсем не так, как шутил вчера.

В свое время я пытался изучать законы смешного, читал серьезные статьи, биографию Чаплина и т. д. Потом я понял, что все смешное рождается из жизни и самое главное — быть на ее уровне. Очень важно не закружиться в этом быстро меняющемся мире, остаться самим собой. Я могу то, что я могу. Это истина. Если этого хватает, чтобы люди искренне смеялись, значит все в порядке. Смех зрителя помогает...

— А что мешает?

— Популярность, ожидание чуда, сенсации. В цирк на нас ходят после кино, а это разные вещи. Никулин в «Кавказской пленнице» и Никулин в цирке — не одно и то же.

Один наш приятель рассказывал, как в начале века в Одессу приезжал Макс Линдер. Гастроли проходили в знаменитом оперном театре, билеты были распроданы за полчаса, еще через полчаса перепродавались по баснословным ценам, ажиотаж был страшный.

Вечером в переполненном зале погас свет, и зрители увидели на экране, как Макс Линдер собирается в Одессу. Он спешил, опаздывал, мчался на подвод-

ной лодке, падал в море, за ним гнались акулы, потом он оказывался в самолете, самолет подлетал к Одессе, к оперному театру, открывался люк, и Макс Линдер на канате спускался через крышу в зал. Зрители были поражены: на экране — их Одесса, их театр, чуть не они сами. Но еще больший эффект ждал их впереди: свет внезапно зажегся, экран исчезал, а на сцене стоял настоящий Макс Линдер, «избежавший» все «опасности» и добравшийся наконец до Одессы.

Вот это была сенсация! После этого М. Линдер мог говорить и делать что угодно. Ну, а мы таких эффектов каждый день не можем себе позволить. И теперь, когда я вижу, как огромными буквами написано: «Юрий Никулин и Михаил Шуйдин», я с тоской вспоминаю старые времена, когда нас никто не знал и писались мы на афишах обычным шрифтом.

— Ну, это вы зря... И чтобы вы совсем не затосковали, давайте поговорим о кино. В свое время оно от вас «отвернулось». Как же все-таки состоялась встреча?

— Совершенно случайно. Я уже десять лет как работал в цирке. Есть такой писатель — Владимир Поляков. Он много писал для цирка, и мы были хорошо знакомы. Так вот однажды он встречается меня и говорит: «Слушай, у нас с Ласкиным снимается фильм. Есть хороший эпизод, а они никак не найдут актера. Попробуй, а?». Я сначала отказался. Тогда Поляков говорит: «На всякий случай запиши телефон, может, подумаешь». За обедом я, между прочим, рассказываю жене: вот, мол, такая история... А она говорит: «А почему в самом деле не сходить?». И даже телефон набрала.

Вот так я впервые снялся в кино — в фильме «Девушка с гитарой». Может быть, помните — есть там эпизод с пиротехником? Пиротехник — это я. А потом были «Неподдающиеся», «Пас Барбос...», «Ко мне, Мухтар», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука» и т. д.

— Но вы уже давно не снимаетесь...

— Два года. И не потому, что не хочу. Нет хорошей роли.

К сожалению, последний раз я снялся в плохом фильме — «Стариках-разбойниках». Тут, наверное, все были виноваты: и сценаристы, и режиссер, и мы, актеры. Во всяком случае, после этого фильма я впервые получил много ругательных писем, они и сейчас хранятся у меня.

Я очень люблю кино. Для меня это возможность попробовать себя в новом качестве, решить новые творческие за-

дачи, наконец, возможность поработать в другой обстановке, посмотреть на жизнь другими глазами, это очень важно.

— В свое время вы писали, что должны были сниматься в роли Деточкина в фильме «Берегись автомобиля», которую сыграл потом И. Смоктуновский...

— Это целая история. Если хотите, я ее расскажу. Однажды на гастролях в Ленинграде я услышал историю, которая меня поразила. На одной автобазе работал шофером хороший молодой парень, комсомолец. Между тем, на самой базе творились темные дела. Парень постепенно стал догадываться об этом и решил разоблачить преступников. Но те опередили его: подложили «левый» товар и спровоцировали уголовное дело. Парню дали пять лет.

Через пять лет он вышел из колонии, устроился заместителем начальника какого-то гаража и решил мстить. Но мстил довольно необычным способом: изымал у бывших своих начальников то, что считал нажитым нечестным путем. Короче, он крал их машины, заводил в свой гараж, снимал номер, перекрашивал и перепродавал. Деньги, которые выручал за краденые машины, переводил на детские дома.

Любопытно, что «мститель» вел свою бухгалтерию. Если он ехал продавать угнанную машину, то выписывал себе «командировочные», на почтовые переводы брал квитанции. Полагая, что, работая по «совместительству», он имеет право на вторую зарплату, платил себе 50 процентов ставки, которую получал в гараже. На всех этих «документах» он аккуратно расписывался и тщательно хранил их.

Таким образом он продал больше десяти машин. Когда его наконец поймали, он отказался от адвоката и заявил, что будет защищать себя сам. В итоге на суде все поменялось местами: свидетели сели на скамью подсудимых, а обвиняемый стал главным обвинителем. Правда, за «самосуд» он получил три года условно, но бывшие владельцы машин понесли куда более серьезное наказание.

Вернувшись в Москву, я как-то при случае рассказал эту историю Э. Рязанову. Ему она очень понравилась. «Послушай, ведь это почти готовый сценарий! А ты будешь играть этого самого парня». Я сказал, что согласен.

Рязанов с Брагинским, действительно, написали сценарий, и Юрий Деточкин, действительно, предназначался мне. Между тем, в одной из инстанций сценарий «приостановили». Тогда Брагинский и Рязанов сделали из него книгу, она была опубликована. А коли есть книга, почему не может быть по ней фильма? Словом, все началось сначала. Но я в это время был в другом городе, пути наши разошлись, и в фильме снимался И. Смоктуновский.

— Но с вами-то мы все-таки увидимся скоро на экране!

— Возможно. Л. Гайдай хочет делать фильм из рассказов М. Зощенко, наверное, я снимусь в нем. Но главным для меня все же был и остается цирк, потому что я — клоун.

Г. КОСТИН.